

Фантасмагория с Россией о «ПИКОВОЙ ДАМЕ» ТОРОЛЬДА ДИКИНСОНА

Михаил Трофименков

РУССКОЙ литературе, за редкими исключениями, роковым образом не везет с отечественным кинематографом. Подводит режиссеров необходимость если не испытывать, то публично демонстрировать почти религиозное чувство от-

ветственности перед классиками. Они гордятся тщательностью историко-бытовых реалий, возвышающей их над производителями иноземной «клюквы». И, страшась, что их сочтут всего лишь рассказчиками классической истории, теряются в дебрях духовности, которая тоже бывает «клюквенной». Иностранцам же на реалии по большому счету наплевать, но они восприимчивее к духу русской классики. Лучшего «Идиота» снял японец Акира Куросава. Лучшие версии «На дне» — француз Жан Ренуар и тот же Куросава. Лучшую «Леди Макбет Мценского уезда» — поляк Анджей Вайда. Дух прозы Федора Достоевского точнее всех передал француз Робер Брессон в «Белых ночах» («Четыре ночи мечтателя») и «Кроткой». «Белые ночи» итальянца Лукино Висконти на несколько голов выше фильма Ивана Пырьева. Ладно, это титаны, а англичанина Торольда Дикинсона (1903–1984), автора «Пиковой дамы», гением никто не считает. Умница и уважаемый педагог, он в конце 1950-х годов возглавлял кинослужбу ЮНЕСКО, но сам снимал мало, объясняя это тем, что ставить фильмы, которые ставить не хочется, мучительно тяжело. Известнее всего викторианский нуар «Газовый свет» (1940), да и тот чуть не погиб: негатив и почти все копии сожгла готовившая ремейк студия MGM.

Но его «Пиковая дама» — фильм неожиданный не только для российского зрителя, но и в контексте своей эпохи. Всплеск мрачной фантазии, казалось бы неуместный в годы, когда измученная войной Европа молилась на неореализм. Александр Пушкин, на счастье, не был для Дикинсона «нашим всем». Режиссер, свободный от пиетета перед писателем, увидел в «Пиковой даме» то, чем она и является, — готическую новеллу ужасов. Ну да, есть к чему придраться. Вряд ли хорошенькой цыганке позволили бы своим пением отвлекать картежников. И архитектура Петербурга какая-то сплюснутая и совсем не классическая, и колокола крупным планом пару раз напоминают о месте действия, но все это не имеет ровным счетом никакого значения. Действие разгрызается не в александровской России, а в том фантасмагорическом лабиринте, который создали писатели-романтики независимо от национальности.

Капитан Германн Суворин (Антон Уолбрук) забредает в книжную лавку, где ему в руки попадает предопределивший его судьбу сонник, и откуда-то из закоулка вылезает обросший седой шерстью антиквар в ермолке — на мгновение ощущаешь себя в «Шагреневои коже» Оноре де Бальзака. Уверовав в выигрыш, Германн отправляется к ростовщику,

РЕЖИССЕР, СВОБОДНЫЙ ОТ ПИЕТЕТА ПЕРЕД ПИСАТЕЛЕМ, УВИДЕЛ В «ПИКОВОЙ ДАМЕ» ТО, ЧЕМ ОНА И ЯВЛЯЕТСЯ, — ГОТИЧЕСКУЮ НОВЕЛЛУ УЖАСОВ

словно вылезшему со страниц Эрнста Теодора Амадея Гофмана: из-под сюртука дельца разве что кончик хвоста не торчит. Старуха, подмигивающая из гроба, — чистой воды Вий. Тени пляшут на стенах офицерской комнаты, украшенной портретом Наполеона, и особняка графини Раневской (Эдит Эванс), по коридорам которого пробирается Германн. Это уже уроки немецкого экспрессионизма, в который перевоплотился немецкий романтизм. Да и романтическая ирония по

отношению к низкому миру не чужда Дикинсону. Страшное чередуется с нелепым — Раневская жучит Лизавету Ивановну (Ивона Митчелл), по вине солдафона оборачивается конфузом светская беседа в театре. Главное же доказательство того, что Дикинсон не оплошал, то, как эффектно пиковая дама оборачивается графиней. Ведь еще со школы знаешь, что будет так и никак иначе, а все равно вздрагиваешь.

«Пиковая дама» (The Queen of Spades, 1949)